

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Ремезов Алексей Владимирович

**«МУЧЕНИЕ СВЯТОГО ФЕОДОРА ТИРОНА»
В РУССКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 5.9.1. — Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Москва

2026

Работа выполнена в отделе древнеславянских литератур Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук»

Научный руководитель: **Туфанова Ольга Александровна,**
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Отдела древнеславянских
литератур ФГБУН «Институт
мировой литературы имени
А.М. Горького Российской
академии наук»

Официальные оппоненты: **Трофимова Нина Владимировна,**
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской
классической литературы
института филологии ФГБОУ ВО
«Московский педагогический
государственный университет»
Архангельская Анна Валерьевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской
литературы филологического
факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный
университет имени
М.В. Ломоносова».

Ведущая организация: Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Новгородский государственный
университет имени Ярослава
Мудрого»

Защита состоится «14» мая 2026 года в 15:00 часов на заседании Диссертационного совета Д 24.1.080.03 при ФГБУН Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук: www.imli.ru.

Автореферат разослан « » марта 2026 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.Г. Плотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Восточные славяне довольно рано познакомились с переводными агиографическими памятниками. После христианизации Руси была проделана колоссальная работа по переводу как отдельных произведений, так и целых сборников¹. Среди памятников были и греческие мартирии. Из житийных текстов греческого образца древнерусские книжники усвоили агиографический канон и общую схему, что заложило фундамент для сложения в дальнейшем оригинальных русских житий. Деление на переводные и оригинальные тексты в применении к средневековой русской словесности до некоторой степени условно, поскольку «статус переводов, — как писал Д.М. Буланин, — определялся теми же параметрами, что и статус сочинения. С одной стороны, переводы свободно включаются в собственно славянские своды и компиляции, с другой стороны, русские сочинения (например, Кирилла Туровского) соседствуют в сборниках с творениями классиков христианской литературы и нередко подписываются их именами»². Вместе с тем значение переводных агиографических сочинений в древнерусской книжности весьма велико. Их использовали в богослужебной практике, кроме того, они выполняли дидактическую функцию — воспитывали средневекового читателя и слушателя, укрепляя авторитет церкви и государства. С помощью житийных текстов утверждалось новое христианское вероучение. Тексты о святых мучениках и подвижниках были для восточнославянских книжников одним из источников сведений о всемирной истории. Переводная литература привнесла в древнерусскую словесность устойчивые метафоры, символы и образы. Большую часть в составе агиографических сборников (четьих миней, торжественников, прологов) в литературе XI–XV вв. составляли переводные жития.

¹ Подробнее см.: *Еремин И.П., Скрипиль М.О.* Житийная литература [в переводах XI — начала XIII века] // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. 1. С. 87–113.

² *Буланин Д.М.* Древняя Русь // История переводной художественной литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 18.

В этом контексте весьма интересной представляется литературная судьба переводного агиографического памятника «Мучение святого Феодора Тирона»³, посвященного православному святому воину, пострадавшему при римских императорах Максимиане и Максимине II Дайе в начале IV в. н.э.

Оригинальное «Мучение св. Феодора Тирона» сохранилось на греческом языке в синаксарной (краткой) и пространной версии. Сокращенная версия представлена в Минологии Василия Болгаробойцы⁴, пространная — в рукописях Парижской национальной библиотеки⁵. Уникальность переводного «Мучения св. Феодора Тирона» заключается, во-первых, в том, что оно весьма широко представлено в древнерусской книжности в разных вариантах. Краткий мартирий, сюжетно и стилистически соотносимый с вариантом из греческого Минология, бытовал в составе

³ «Мучение св. Феодора Тирона» — унифицированное название памятника, используемое в настоящей работе. В рукописных источниках мартирий имеет разные названия. Так, например, в рукописи РНБ, собр. Новгородской Софийской библиотеки, № 1324 (Л. 150 об. — 151) читается: «Страсть святого великамученика Феодора Тирона»; в Прологе РГАДА, собр. Син. тип., № 161 (Л. 318 — 318 об.): «Вотъ же день святого мученика Феодора Тирона»; в Торжественнике РНБ, Ф.п. 1. 46 (Л. 93а — 95б): «Въ Първою Соуботу поста святого Феодора мученика Тирона гибель благослови отче».

⁴ Выбор греческого текста о Феодоре Тироне из Минология Василия II Болгаробойцы обусловлен доступностью иллюминированной рукописи, ее известностью среди ученых и близостью к славяно-русскому Прологу, как представителя синаксарей семейства «В» по И. Делеэ (см.: *Delehaye H. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae Bruxellis: Apud Socios Bollandianos Publ.*, 1902. Стб. 23–24; *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 23). В настоящей работе (см. гл. 2, § 5) привлекался также Сирмундов Синаксарь (издан И. Делеэ, в: *Delehaye H. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae*). Однако, ввиду фокуса диссертационного исследования именно на древнерусских текстах о Феодоре Тироне, для сравнительного анализа привлекались не все греческие синаксари. Так, за пределами работы остался мартирий о святом мученике в составе рукописи Vat. gr. 2046, сравнительно недавно введенной в научный оборот (см.: *Лосева О.В.* Жития русских святых... С. 24) и считающейся, по мнению Л.В. Прокопенко, наиболее близкой к переводному Прологу (см.: *Прокопенко Л.В.* Пролог // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. Т. 58. С. 379). В дальнейшей перспективе исследований мартирия о Феодоре Тироне видится написание отдельной работы, включающей в себя текстологический анализ «Мучения св. Феодора Тирона» из Vat. gr. 2046 и из других византийских синаксарных сборников.

⁵ Paris gr. 1470. — Собрание греческих рукописей Национальной библиотеки Франции, Париж. № 1470. F. 53 r.; Paris gr. 520. — Собрание греческих рукописей Национальной библиотеки Франции, Париж. № 520. P. 161.

славяно-русского Пролога⁶, иной вид памятника, ранее не привлекавшийся к анализу отечественными литературоведами, представлен в Стишном Прологе. Пространная версия «Мучения...», восходящая по составу к тексту из рукописей Парижской библиотеки, сохранилась в рукописях Торжественника⁷, Успенском списке Великих Миней Четьих⁸ и житийных сборниках⁹. Во-вторых, памятник необычен масштабом своего влияния на славяно-русское средневековое творчество. Кратко намеченная в проложном тексте змееборческая легенда о Феодоре Тироне получила широкое распространение в оригинальных апокрифических сочинениях. Образ православного святого воина проник и в устное народное творчество, где ему посвящено большое количество духовных стихов.

Степень изученности темы. Византийские и древнерусские рукописные памятники находятся в зоне постоянного научного интереса ученых разных стран. Греческие памятники, связанные с именем святого Феодора Тирона, изучались еще в XVII в. Например, Ш. Дюканж в работе, посвященной истории Византии, сообщал о воздвижении патрищем Сфоракием храма в честь святого подвижника¹⁰. Болландист И. Делез написал книгу «Легенды о святых воинах», где подробно исследовал сохранившиеся тексты о Феодоре Стратилате, Феодоре Тироне и Георгии Победоносце, а также описал историю возникновения культов святых воинов-мучеников¹¹. К. Уолтер исследовал образ Феодора Тирона в

⁶ Списки, представленные для анализа, см. ниже.

⁷ Полный текст пространного «Мучения св. Феодора Тирона» в составе Торжественника РНБ, Ф.п. 1. 46 (Л. 93а – 95б) представлен в Приложении к диссертации на с. 224–228.

⁸ ГИМ. Син. 991. Л. 504–505.

⁹ РГБ. Ф. 113. Собр. рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря. № 516. Л. 290–296.

¹⁰ *Du Cange Ch. Historia Byzantina duplici commentario illustrata. Paris: Apud Ludovicum Billaine, 1680. Vol. 2, Lib. IV. P. 139–140.*

¹¹ *Delehaye H. Les légendes grecques des saintes militaires. Paris: A. Picard, 1909. 272 p.*

византийском искусстве¹². Ф. Алькен упоминал мартирий о святом Феодоре в контексте изучения сочинений Никифора Урана¹³. Дж. Холдон занимался критическим изданием текстов о подвижнике¹⁴. Л. Мавродинова исследовала иконографию мучеников Феодора Стратилата и Феодора Тирона в раннем христианском изобразительном искусстве¹⁵. А. Стойкова рассматривала «Чудо святого Феодора Тирона о змие и матери» в южнославянских списках¹⁶.

Текстологии славяно-русского Пролога, памятника, в котором чаще всего читается текст «Мучения...», посвящена работа «Полный месяцеслов Востока» архимандрита Сергия¹⁷. В отдельной главе книги исследователь знакомит читателя с историей появления на Руси византийского Синаксаря и древнерусского Пролога. Работа А.И. Пономарева «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы» представляет собой успешную попытку издания большого количества житийных памятней в составе Пролога, в ней осмысливается роль проложных житий в религиозно-нравственном воспитании русского народа¹⁸. Л.П. Жуковская занималась текстологией памятника и методами его исследования, а также проблемой второго южнославянского влияния. Проанализировав свыше 600 списков Пролога, она ввела в научный оборот большое число новых списков, сделала ряд частных наблюдений по археографии, палеографии, кодикологии

¹² *Walter C.* The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition. Abingdon: Routledge, 2003. 317 p.

¹³ *Halkin F.* Un opusculé 'inconnu du Magister Nicephore Ouranos: La Vie de Theodore le Conscrit // *Analecta bollandiana*. Bruxelles: Soc. des Bollandistes, 1962. Vol. 80. P. 311–313.

¹⁴ *Haldon J.* A Tale of Two Saints: The Martyrdom and Miracles of St. Theodore «The Recruit» and «The General». Liverpool: Liverpool University Press, 2016. 192 p.

¹⁵ *Мавродинова Л.* Св. Теодор: Развитие и особенности на иконогр. му тип в средновеков живопис // Изв. на ин-та за изкуствовзнание. София, 1969. Т. 13. С. 33–52.

¹⁶ *Стойкова А.* Светци змееборци в южнославянската средновековна традиция: Теодор Тирон, Теодор Стратилат, Георги Победоносец. София: Изток – Запад, 2019. 336 с.

¹⁷ *Архимандрит Сергий (Спасский)* Полный месяцеслов Востока. М.: Тип. Современных Известий, 1875. Т. 1: Восточная агиология. 565 с.

¹⁸ *Пономарёв А.И.* Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1896. Вып. 2. 224 с.

рукописей¹⁹. Значительный вклад в изучение месящеслова внесла Е.А. Фет. В своих работах исследовательница среди разновидностей древнерусского Пролога выделила, помимо двух редакций, Синаксарь — непосредственный перевод Минология Василия II с дополнениями Илии и Константина, митрополита Мокисийского, представленный единственным списком (РНБ, Соф. собр., № 1324). Необходимо также упомянуть статью Е.А. Фет о Прологе в «Словаре книжников и книжности Древней Руси»²⁰.

В конце 1970-х гг. группа ученых из ИМЛИ АН СССР: О.А. Державина, А.С. Демин, Ф.С. Капица, А.С. Елеонская, А.С. Курилов и др. обратились к изучению старопечатного Пролога. Результатом их работы стало коллективное исследование, вышедшее в составе серии «Русская старопечатная литература» в 1979 г.²¹ В труде рассматриваются литературные сюжеты в составе памятника, подробно описываются светские, исторические, бытовые и сказочные элементы, присутствующие в проложном материале. В книге дается аналитическое описание, в котором краткие формулировки сюжета, фабулы или мотива проложных произведений сопровождаются выдержками из текстов, создавая своеобразную «хрестоматию» по Прологу.

В начале XXI в. появились работы С.А. Давыдовой, посвященные проблеме времени и места перевода византийского Синаксаря²², исследования Л.В. Прокопенко о составе и источниках Пролога, а также

¹⁹ Жуковская Л.П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1983. С. 110–120.

²⁰ Фет Е.А. Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. С. 376–381.

²¹ Литературный сборник XVII века «Пролог» / подгот. О.А. Державина, А.С. Демин, А.С. Елеонская и др. / под ред. А.С. Демина. М.: Наука, 1978. 287 с.

²² Давыдова С.А. Византийский синаксарь и его судьба на Руси // ТОДРЛ. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 1999. Т. 51. С. 58–79.

греческих источниках Синаксаря²³, книги О.В. Лосевой о житиях русских святых в составе Пролога²⁴. Последние работы М.В. Чистяковой посвящены уточнению и дополнению общепринятой классификации разновидностей Пролога, вводят в научный оборот новые его редакции: киево-софийскую и новогрудскую²⁵.

Необходимо также упомянуть работу О.В. Творогова «Переводные жития в русской книжности XI–XV веков: Каталог», посвященную переводным житийным памятникам по всем спискам древнерусских рукописей XI–XV вв., среди которых есть и тексты о Феодоре Тироне²⁶. Работа Т.В. Черторицкой посвящена текстологии русского Торжественника, в самый ранний список которого помещен пространный мартирий о святом²⁷.

Исследованиями текстов непосредственно о Феодоре Тироне начали заниматься совсем недавно. Так, в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» есть статья М.А. Салминой о «Мучении св. Феодора Тирона», где в справочном виде дана информация о святом подвижнике и текстах, в которых он упоминается²⁸. Л.В. Прокопенко, О.Н. Афиногенова в «Православной энциклопедии» обзеревают биографию святого, бытование текстов о нем в греческой и славянской традициях²⁹. В.А. Бахтина писала о географии почитания святого мученика³⁰.

²³ Прокопенко Л.В. Состав и источники Пролога за сентябрьскую половину года по спискам XII — начала XV в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Древлехранилище, 2010. С. 158–312.

²⁴ Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 472 с.

²⁵ Чистякова М.В. Киево-софийская редакция Простого пролога: Общая текстологическая характеристика // Славянская письменность Великого княжества Литовского: Характерные черты и специфические особенности. Вильнюс: Ин-т литовского языка, 2014. С. 37–72.

²⁶ Творогов О.В. Переводные жития в русской книжности XI–XV веков: Каталог. СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 117.

²⁷ Черторицкая Т.В. Торжественник // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 432–435.

²⁸ Салмина М.А. Мучение Феодора Тирона. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. С. 272–273.

²⁹ Афиногенова О.Н. Феодор Тирон // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр

Актуальность исследования определяется тем, что переводное «Мучение св. Феодора Тирона», как каноничный церковно-книжный рассказ о православном воине, читаемый в большом количестве четвх сборников, еще пока недостаточно изучен в отечественной медиевистике с точки зрения истории его бытования и особенностей поэтики. Настоящее исследование, сделанное в русле современных тенденций филологических трудов, посвященных переводным текстам в славяно-русской письменности³¹, призвано восполнить пробел в изучении «литературной судьбы» переводного греческого мартирия в составе древнерусских рукописных сборников. Комплексный анализ текстологических, жанровых и стилистических особенностей данного памятника в определенном смысле станет продолжением работы ученых, проследивших историю бытования греческого текста, а также даст возможность приоткрыть одну из страниц переводческой деятельности древнерусских книжников.

Цель исследования состоит в характеристике особенностей бытования переводов греческих сочинений VII–X вв. о святом мученике Феодоре Тироне в составе древнерусских рукописей XII–XVI вв. и их художественной специфике.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи:**

1) охарактеризовать важнейшие самостоятельные и компилятивные литературные источники о св. Феодоре Тироне, на основе которых создается биография мученика;

«Православная энциклопедия», 2023. Т. 71. С. 265–270; Прокопенко Л.В. Феодор Тирон. Славянская Традиция // Там же. С. 270–273.

³⁰ Бахтина В.А. Феодор Тирон в письменно-устной традиции и иконографии // Литература, культура и фольклор славянских народов: Доклады российской делегации, Любляна, 01–31 августа 2003 года. Любляна: Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2002. С. 336–350.

³¹ См., например, труды: Молдован А.М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000. 759 с.; Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 189 с.; Творогов О.В. Переводные жития в русской книжности XI–XV веков: Каталог. СПб.: Альянс-Архео, 2008. 144 с.

2) сопоставить греческие оригиналы с переводами памятника в составе древнерусских списков, проследив особенности бытования «Мучения св. Феодора Тирона»;

3) провести текстологический анализ наиболее репрезентативных списков и редакций памятника в составе Прологов XII–XVI вв.;

4) выявить особенности поэтики пространной редакции «Мучения св. Феодора Тирона».

Объектом исследования являются греческие и древнерусские краткие и пространные мартирии³² о Феодоре Тироне, созданные в период с VI по XV в.

Материалом исследования послужили тексты в рукописных сборниках: собрание греческих рукописей Ватиканской библиотеки № 1613 (далее — Vat. gr. 1613) (Р. 407); собрание греческих рукописей Национальной библиотеки Франции, Париж № 1470 (далее — Paris gr. 1470) (F. 53 г.); собрание греческих рукописей Национальной библиотеки Франции, Париж № 520 (далее — Paris gr. 520) (Р. 161); РНБ, собр. Новгородской Софийской библиотеки, № 1324 (далее — Соф. 1324) (Л. 150 об. – 151); ГИМ, Син. собр., № 239 (далее — С.239) (Л. 196 – 196 об.)³³; РГБ, Ф. 256, собр. Н.П. Румянцева, № 319 (далее — Рум.319) (Л. 74 – 74 об.); РНБ, № 58, собр. М.П. Погодина (далее — Пог.58) (Л. 89); РГАДА, собр. Син. тип., № 157 (далее — Тп.157) (Л. 139 об.); РГАДА, собр. Син. тип., № 158 (далее — Тп.158) (Л. 169 об.); РГАДА, собр. Син. тип., № 160 (далее — Тп.160) (Л. 179 об.); РГАДА, собр. Син. тип., № 162 (далее — Тп.162) (Л. 249 об. – 250); РГАДА, собр. Син. тип., № 163 (далее — Тп.163) (Л. 178 – 178 об.); РНБ, Ф. 588, собр. М.П. Погодина, № 59 (далее — «Погодинский» пролог)

³² В настоящем исследовании не рассматриваются тексты о Феодоре Тироне, бытовавшие в апокрифической традиции, а также литературное произведение, приписываемое Нектарию Константинопольскому, «Чудо о коливе».

³³ В настоящем исследовании используется номинация списков Пролога Л.В. Прокопенко, подробнее см.: *Прокопенко Л.В.* Славяно-русский Пролог по древнейшим рукописям. URL: <https://prologmanuscript.org/sigla.php> (дата обращения: 13.07.2025).

(Л. 305); РНБ, собр. С.-Петербургской духовной академии, А.І. 264 (далее — «Прилуцкий» пролог) (Л. 279 – 279 об.); ГИМ, Син. собр., № 247 (далее — С.247) (Л. 260 об. – 261); РГАДА, собр. Син. тип., № 161 (далее — Тп.161) (Л. 318 – 318 об.); РГАДА, собр. Син. тип., № 153 (далее — «Юрьевский» пролог) (Л. 278–278 об.); РНБ, собр. Библиотеки Соловецкого монастыря (далее — Сол. 697/805) (Л. 440 – 440 об.); РГБ, Ф. 98, собр. Е.Е. Егорова, № 21 (Л. 336 об. – 337); РГБ, Ф. 98, собр. Е.Е. Егорова, № 109 (Л. 548 об. – 549); РГБ, Ф. 98, собр. Е.Е. Егорова, № 42 (Л. 614 об. – 615); РГБ, Ф. 194, собр. К.И. Невоструева, № 17 (Л. 421 – 421 об.); РГБ, Ф. 299, собр. Н.С. Тихонравова, № 573 (Л. 398 – 398 об.); БАН НИОР, 31.6.30 (далее — НИОР 31.6.30.) (Л. 359 – 359 об.); БАН НИОР, 33.8.1 (далее — НИОР 33.8.1.) (Л. 364 об – 365), РНБ, F.I.311 (далее — F.I.311) (Л. 526); НИОР, Ср. II. 80 (Л. 268 об.); НИОР, Арханг., Д. 99 (Л. 317); РГБ, Ф. 92, собр. С.О. Долгова, № 39 (Л. 314 об.), РГБ, Ф. 595, собр. Г.Р. Наумова, № 2 (Л. 363), РГБ, Ф. 37, собр. Т.Ф. Большакова, № 222 (Л. 259); РНБ, F.I.752 (Л. 92 – 92 об.); рукописи Дечанского монастыря, № 57 (далее — Дечан.57) (Л. 139 об. – 140); РНБ, F.п.1.46. (далее — F.п.1.46.) (Л. 93 – 95 об.); РГБ. Ф. 113, собр. рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря, № 516 (Л. 290 – 296); ГИМ, Син. собр., № 991 (далее — Син. 991) (Л. 504 – 505).

Предметом исследования является история бытования, текстология и особенности поэтики мартирія о святом Феодоре.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования стали труды И. Делеэ³⁴, В.В. Болотова³⁵, Х.М. Лопарева³⁶, Д.С. Лихачева³⁷, работы О.В. Творогова³⁸, Е.А. Фет³⁹, А.А. Турилова⁴⁰,

³⁴ *Delehaye H.* Les légendes grecques des saintes militaires. Paris: A. Picard, 1909. 272 р.

³⁵ *Болотов В.В.* Христианство и мир языческий: борьба христианства с язычеством в жизни и мысли // Лекции по истории древней церкви. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. Т. 2. С. 2–165.

³⁶ *Лопарев Х.М.* Греческие жития святых VII–IX веков. Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной. Петроград: Тип. Акад. наук, 1914. 568 с.

³⁷ *Лихачев Д.С.* Текстология: Краткий очерк. М.; Л.: Наука, 1964. 106 с.

Т.В. Черторицкой⁴¹, А.Д. Пантелеева⁴², раскрывающие важные для изучения истории текста памятника способы анализа и описания разночтений. Привлекались работы по поэтике древнерусской литературы, в частности исследования Д.С. Лихачева⁴³, А.С. Демина⁴⁴, В.М. Кириллина⁴⁵, М.Е. Башлыковой⁴⁶, Л.Н. Коробейниковой⁴⁷.

В ходе исследования памятников были использованы:

– *текстологический метод*, сформулированный в трудах крупнейших отечественных ученых Д.С. Лихачева⁴⁸ и Л.П. Жуковской⁴⁹;

– *сравнительно-исторический метод*, позволяющий проанализировать в рукописных памятниках одной или нескольких эпох редакционные отличия, обусловленные, с одной стороны, влиянием изменений письменных

³⁸ Творогов О.В. Лекции по археологии и текстологии древнерусской литературы. СПб.: Альянс-Архео, 2009. 277 с.

³⁹ Фет Е.А. Пролог. С. 376–381.

⁴⁰ Турилов А.А. К истории Стишного пролога на Руси // ДРВМ. 2006. № 1 (23). С. 73.

⁴¹ Черторицкая Т.В. Торжественник // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 432–435.

⁴² Пантелеев А.Д. Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2017. 384 с.

⁴³ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы М.: Наука, 1979. 360 с.

⁴⁴ Демин А.С. Из истории древнерусского литературного творчества XI–XVII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 11 / отв. ред. М.Ю. Люстров. М.: Языки славянской культуры, Прогресс-традиция, 2004. С. 9–131.

⁴⁵ Кириллин В.М. «Пролог» в исследованиях Л.П. Жуковской // О книжности, литературе, образе жизни Древней Руси / Ин-т миров. лит-ры им. А.М. Горького РАН. М.: Языки славянской культуры, Глобал Ком, 2013. С. 116–121; Кириллин В.М. «Арголаи» и «лѣнїи лѣви» Александра Македонского: к вопросу о трудностях перевода на русский язык славянского переводного Жития пророка Иеремии // В поисках смысла: опыт интерпретации памятников древнерусской литературы / Ин-т мировой литературы РАН. М.: Издат. дом ЯСК, 2022. С. 9–33. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-200-235>

⁴⁶ Башлыкова М.Е. Топика житий в Киево-Печерском патерике редакции 1661 года // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 15 / отв. ред. О.А. Туфанова. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 187–416.

⁴⁷ Коробейникова Л.Н. О сюжетосложении «Жития Галактиона и Епистимии» (к проблеме типологии переводных византийских житий) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 11 / отв. ред. М.Ю. Люстров. М.: Языки славянской культуры, Прогресс-традиция, 2004. С. 321–350.

⁴⁸ Лихачев Д.С. Текстология: Краткий очерк. Указ. соч.

⁴⁹ Жуковская Л.П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1983. С. 110–120.

норм и работой переводчиков, с другой — развитием жанров средневековой литературы;

– *типологический метод*, позволяющий представить жанр мартيريا как структурно сформированную целостность;

– *герменевтический метод*, суть которого заключается в сопряжении истолкования древних текстов с их «переводом в другую семиотическую область»⁵⁰, а также в постижении смысла письменных памятников путем «преодоления неполноты их первоначального понимания»⁵¹.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые исследуется история бытования переводного краткого и пространного мартيريا в древнерусской книжной традиции, впервые на основе систематизации и текстологического анализа существующего объема текстов о Феодоре Тироне исследованы изменения в составе каноничного церковно-учительного переводного мартيريا, важные для понимания целей и задач переписчиков. Несмотря на то что памятник в составе агиографических сборников читается практически в неизменном виде, немногочисленные разночтения в переводах памятника имели свое значение. Они помещались в текст с целью истолковать конкретные исторические события, например, выраженные в соответствующем эдикте намерения римской власти судить христиан, не желавших воздавать жертвы языческим богам. Переводческая «вольность» книжников способствовала лучшему восприятию слушателями и читателями памятника художественных образов (например, образа неблагочестивых эллинов, упомянутых в Стишном Прологе, или образа Феодора Тирона с копьем, появляющегося в Пространной редакции Пролога). Внесенные в мартирий изменения помогали лучше усваивать христианское вероучение через легенду о мученике. В исследовании установлены введенные древнерусскими переводчиками новые по сравнению

⁵⁰ Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. С. 142.

⁵¹ Там же.

с оригинальными греческими текстами детали, определены традиционные и новаторские элементы в поэтике памятника.

В Приложении к диссертации впервые представлен текст пространной версии памятника из древнерусского Торжественника РНБ⁵². В тексте работы приводятся славянские переводы текста, содержащиеся в Прологе Синаксарной редакции⁵³, Прологах Пространной редакции⁵⁴, а также в Стишном Прологе⁵⁵, фрагменты сводного текста пространного мартирия о святом на греческом языке из сборника И. Делеэ⁵⁶, житийного сборника РГБ⁵⁷ и Успенского списка Великих Миней Четых⁵⁸.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы диссертации могут стать основой для научного издания текста «Мучения св. Феодора Тирона»; полученные результаты, расширяя представления о специфике бытования переводных текстов в проложной традиции, могут быть использованы в дальнейшей работе с иными переводными памятниками в составе древнерусских Прологов, а также при подготовке курсов лекций и семинаров по средневековой русской словесности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Краткая версия мартирия, представленная в византийском Минологии Василия II, наследует пространной и представляет собой краткий пересказ житийного сюжета о мученическом подвиге святого Феодора. В славянской традиции краткая версия бытовала в составе древнерусского Пролога, пространная — в рукописях Торжественника, Успенском комплекте Великих Миней Четых и в рукописных житийных сборниках.

⁵² РНБ. Ф.п.1.46. Л. 93 – 95 об.

⁵³ Соф. 1324. Л. 150 об. – 151.

⁵⁴ «Юрьевский» пролог. Л. 278–278 об.

⁵⁵ Дечан.57. Л. 139 об. – 140.

⁵⁶ Delehayе H. Les légendes grecques des saintes militaires. P. 127–135.

⁵⁷ РГБ. Ф. 113. № 516. Л. 290–296.

⁵⁸ ГИМ. Син. 991. Л. 504–505.

2. «Мучение св. Феодора Тирона» характеризуется текстологическими разночтениями в различных редакциях Пролога. Мартирий, помещенный в Синаксарную и Краткую редакцию, имеет отличия от греческого варианта из Минология Василия II. Пространная редакция Пролога содержит памятник с оригинальными добавлениями, сделанными русскими книжниками. Версия памятника в Стишном Прологе приобретает элементы, восходящие к Сирмундову Синаксарю и к другим агиографическим сочинениям.

3. Перевод пространного мартирия о Феодоре Тироне, помещенного в состав Торжественника, происходил с привлечением нескольких греческих рукописей. Русская версия не полностью совпадает с оригиналом. Виден след редакторской работы русских книжников. В некоторых фрагментах наблюдается переводческая вольность: заметны разночтения в диалогах, стилистические правки в отдельных сценах мартирия, некоторые фрагменты вовсе не включены в текст.

4. Бытование пространного мартирия о Феодоре Тироне в более поздних древнерусских источниках также характеризуется разночтениями в отдельных местах. Изменения связаны, вероятнее всего, с намерениями переводчиков прояснить отдельные фрагменты текста из более раннего списка Торжественника при помощи добавления уточняющего контекста. Творческая инициатива писцов проявилась в том, что памятник на русской почве пополняется новыми образами и деталями, локально меняются реплики персонажей мартирия.

5. «Мучение св. Феодора Тирона» с точки зрения жанровой разновидности представляет собой синтез протокольных допросов (acta) и страстных повествований (passions). В памятнике присутствуют и внежанровые элементы, восходящие к устным легендам. Текст содержит в себе следы похвальных слов более ранних авторов, кроме того, в нем заметны отсылки на ранние жития-мартирии. Анонимный агиограф включает в памятник новые мотивы, нехарактерные для каноничного текста о святых мучениках.

6. Библейские реминисценции сознательно помещаются книжником в пространное «Мучение св. Феодора Тирона». История Феодора Тирона, как художественное произведение, созданное вдохновленным подвигом святого анонимным агиографом, разъясняет читателям христианские догматы, вложенные в реплики воина-мученика. Образ святого подвижника — дерзновенного перед притеснителями христианской веры, но смиренного перед Богом — изображается автором с дидактической целью — укрепить христиан в вере, показать их моральное превосходство над язычниками.

Апробация работы состоялась на VI Международной научной конференции «Древнеславянские литературы и книжность: новейшие исследования и научные проекты» (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН) (20.06.2024 г. – 22.06.2024 г.); VII Международной научной конференции «Древнеславянские литературы и книжность: новейшие исследования и научные проекты» (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН) (25.06.2025 г. – 28.06.2025 г.); VI Международной научно-практической конференции «Русская литература в полилингвальном мире: вопросы аксиологии, поэтики и методики» (24.03.2025 г.); XXVI Международной научно-практической конференции «Кирилло-Мефодиевские чтения» в рамках V Костомаровского форума (22.05.2025 г.); Научном семинаре Журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» (24.04.2025 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность диссертационного исследования; представлена степень разработанности проблемы; описаны объект, предмет и материалы исследования; сформулированы цель и задачи; определены научная новизна, методология и методы, теоретическая и практическая значимость; сформулированы положения, выносимые на защиту; приведены сведения об апробации результатов исследования.

Глава 1 «Источники древнейших свидетельств о православном воине-мученике Феодоре Тироне» состоит из четырех параграфов.

В § 1 «Сводная биография святого великомученика Феодора Тирона» представлена компиляция сведений из литературных источников о рождении, детстве и юности подвижника. Использовались сочинения, созданные с IV до X в. Сведения о мученичестве взяты из Похвального слова Григория Нисского (BHG, N 1760), Похвального слова Хрисиппа Иерусалимского (BHG, N 1765с), анонимного мартирия (BHG, N 1761). Материал о житии святого до мученического подвига взят из краткого текста «Житие и воспитание» (BHG, N 1765).

В § 2 «Древнейшие литературные памятники как источники сведений о святом Феодоре Тироне» представлен обзор первых сохранившихся текстов о мученике, которые стали сюжетной основой более поздних легенд о подвижнике. Основные данные о православном воине-мученике содержатся в пяти ключевых агиографических сочинениях (IV–XI вв.). Исторических документов, свидетельствующих о существовании святого, на сегодняшний день не обнаружено. Древнейший литературный памятник, посвященный Феодору Тирону, — Похвальное слово Григория Нисского (IV в.)⁵⁹ — содержит описание только мощей и храма, тогда как поздние тексты (V–XI вв.) дополняют житие новыми деталями, мотивом сожжения языческого храма, ангельским пением и образом благочестивой Евсевии.

В § 3 «Компилятивные источники сведений о святом Феодоре византийских агиографов» дан обзор рассказов о мученике, характеризующихся добавлением чудес и легенд. Рассматриваются метафрастовская редакция мартирия, где более развит мотив змееборчества, панегирик Феодору Тирону Никифора Урана⁶⁰, представляющий образ

⁵⁹ *Григорий Нисский*. Похвальное слово Мученику Тирону // Творения святого Григория Нисского / Творения святых отцов. М.: Тип. В. Готье, 1872. Т. 45. Часть 8. С. 199–213.

⁶⁰ BHG, N 1762m. Этот текст входил в состав утраченного кодекса Taurinensis C.IV.18, наряду с редакцией BHG 1764 и другими агиографическими материалами о

Евсевии в ином свете и «Чудо святого Феодора Тирона о коливе»⁶¹, приписываемое Нектарию, святителю Константинопольскому — рассказ о явлении святого константинопольскому патриарху. Приводятся сведения об образе Феодора Тирона в житийных текстах Амасейских мучеников: Евтропия, Клеоника и Василиска⁶². Компилятивные источники, основанные на устных преданиях, литературных заимствованиях, повлияли на формирование легенды о святом Феодоре Тироне, одном из самых почитаемых святых воинов в Византии и в славянском мире.

В § 4 «Феодор Тирон и Феодор Стратилат. Отождествления и дифференциация в агиографической топике» проведено разграничение образов двух святых воинов в византийском искусстве и литературных памятниках. Мученики часто изображались вместе, что подчеркивало их взаимосвязь. В то же время существует путаница между Феодором Тироном и Феодором Стратилатом. Если традиция почитания первого великомученика сложилась на территории Евхаит, вероятно, в IV в.⁶³, то имя второго становится известным в христианском мире, по мнению А.Н. Крюковой, «не ранее IX в.»⁶⁴. Хотя их образы имеют общие черты (например, мотив змееборчества), они различаются по статусу: Тирон — рядовой воин, а Стратилат — военачальник. Исследователи предполагают, что разделение могло быть связано с развитием иконографии или локальных культов.

Начиная со второй половины IX в. два Феодора стали четко различаться как отдельные святые: один почитался в Евхаитах, другой — в Евхании. Несмотря на путаницу образов, византийцы признавали, что это были разные исторические личности. Агиографическая традиция Феодора Тирона оказала значительное влияние на житие Стратилата.

Феодоре, однако единственная сохранившаяся версия произведения Урана содержится в афонской рукописи XIII в.

⁶¹ ГИМ. Син. № 991. Л. 504а–505г.

⁶² ВHG, N 656–656е.

⁶³ Афиногенова О.Н. Феодор Тирон. С. 265.

⁶⁴ Крюкова А.Н. Феодор Стратилат. Почитание // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2023. Т. 71. С. 225.

Глава 2 «Проложная традиция литературного изображения святого Феодора Тирона» состоит из пяти параграфов.

В § 1 «История и текстология славянского Пролога» представлен обзор научных трудов о древнерусском синаксарном житийном сборнике. Он восходит к византийским памятникам, переведенным на славянский язык в XI–XII вв., и существует в нескольких редакциях, каждая из которых имеет свои особенности и историю формирования. Сохранилось около трех тысяч списков Пролога, что свидетельствует о его значительной популярности и распространенности. В параграфе представлен обзор истории научного изучения Пролога, которое началось в XIX в.⁶⁵, продолжалось в позднесоветское время⁶⁶, и в настоящее время благодаря работам Л.В. Прокопенко⁶⁷, О.В. Лосевой⁶⁸, С.А. Давыдовой⁶⁹ и М.В. Чистяковой⁷⁰ в

⁶⁵ *Архимандрит Сергей (Спасский)* Полный месяцеслов Востока. М.: Тип. Современных Известий, 1875. Т. 1: Восточная агиология. 565 с; *Петухов Е.В.* К истории древнерусского Пролога // Материалы и заметки из истории древнерусской письменности. Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1894. С. 1–31; *Пономарёв А.И.* Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1896. Вып. 2. 224 с.

⁶⁶ *Фет Е.А.* Новые факты к истории древнерусского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1980. С. 53–70; *Фет Е.А.* Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. С. 376–381; Литературный сборник XVII века «Пролог» / подгот. О.А. Державина, А.С. Демин, А.С. Елеонская и др. / под ред. А.С. Демина. М.: Наука, 1978. 287 с.

⁶⁷ *Прокопенко Л.В.* Состав и источники Пролога за сентябрьскую половину года по спискам XII — начала XV в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Древлехранилище, 2010. С. 158–312; *Прокопенко Л.В.* Текстология Синаксаря (Пролога) за сентябрь-февраль // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. М.: Азбуковник, 2011. С. 706–759.

⁶⁸ *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 472 с.; *Лосева О.В.* К вопросу о формировании проложных редакций // Вестник РГНФ. 2005. № 3. С. 25–36.

⁶⁹ *Давыдова С.А.* Древнерусский Пролог и византийский синаксарь // Византинороссика. СПб.: Византинороссика, 2005. Т. 3. С. 173–183; *Давыдова С.А.* Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом), 1990. Т. 43. С. 263–281.

⁷⁰ *Чистякова М.В.* Текстология вильнюсских рукописных прологов: сентябрь — ноябрь. Вильнюс: Lietuvių kalbos institutas, 2008. 477 с.; *Чистякова М.В.* О редакциях церковнославянского Пролога // XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27

понимание истории и текстологии этого памятника внесен значительный вклад.

В § 2 «Происхождение первоначальной русской редакции памятника «Мучение св. Феодора Тирона»» представлен текст «Мучения св. Феодора Тирона» в составе Пролога Синаксарной редакции (РНБ. Собр. Новгородской Софийской библиотеки. № 1324. Л. 150 об. – 151) в сравнении с греческим вариантом в Минологии Василия II (Vat. gr. 1613, P. 407). Сопоставление греческой синаксарной и русской проложной редакций памятника показывает их жанровое, сюжетное, композиционное сходство. Анализ разночтений свидетельствует о том, что греческий оригинал является тем фундаментом, на котором основывается русский вариант жития Феодора Тирона, получивший широкое распространение в древнерусской литературе. Дальнейшая переделка текста с включением новых подробностей и оригинальных мотивов заложила основу для распространения русской версии текста во многих вариантах и списках и новый «путь», благодаря которому он дошел до наших дней.

§ 3 ««Мучение св. Феодора Тирона» в Пространной редакции Пролога XIV в.: текстологический анализ» посвящен исследованию разночтений в мартириях, сохранившихся в рукописных синаксарных житийных сборниках. Для анализа выбраны «Юрьевский» Пролог (РГАДА. Собр. Син. тип. № 153. Л. 278–278 об.) и список Тп.161. (РГАДА. Собр. Син. тип. № 161. Л. 318–318 об.). Текст «Мучения...» в представленных списках характеризуется небольшими дополнениями. В житии фиксируются некоторые языковые изменения: замена эпитетов при описании императоров, разночтения внутри Пространной редакции, заключающиеся в изменении порядка слов и присовокуплении наречий (в рукописи Тп.161). Литературная обработка мартирия в проложных рукописях XIV в. второй редакции также незначительна: в начале памятника появляется образ императора

августа 2013 г.). Доклады литовской делегации. Вильнюс: Slavistica vilnensis, 2013. С. 35–58.

Диоклетиана, при описании змееборческого подвига святого Феодора в тексте встречается новая художественная деталь — копье.

В § 4 ««Мучение св. Феодора Тирона» в списках прологов XV–XVI вв.: анализ разночтений» проводится сопоставление текстов «Мучения...» в составе поздних списков Пролога XV–XVI вв. Для анализа выбраны рукописи РНБ. F.I.311 (Л. 526), БАН НИОР. 31.6.30. (Л. 359–359 об.), БАН НИОР. 33.8.1. (Л. 364 об. – 365). С XV в., времени, когда «максимальное приближение языка перевода к греческому тексту и архаизация письменного языка, изгнание из него всех элементов живого языка... становится идеалом и для русских книжников, правщиков и переписчиков церковных книг»⁷¹, увеличивается вариативность Пролога. В связи с высокой популярностью Пролога как четвей книги чаще в читательский обиход входят списки смешанных и особых редакций, которых в XV–XVI вв. появляется все больше. Воспроизводя текст «Мучения св. Феодора Тирона» в поздних списках Пролога, книжники заменяли начертания букв в соответствии с собственными навыками письма. Систематически изменялась орфография, допускались механические ошибки в написании слов. В поздних списках мог трансформироваться синтаксис в соответствии с уровнем лингвистической компетенции переписчиков.

В § 5 ««Мучение св. Феодора Тирона» в Стишном Прологе» рассматривается текст мартирия в составе проложных списков «независимого вида»⁷². Для анализа выбраны рукописи Дечанского монастыря. № 57 (Л. 139 об. – 140) и РНБ ОР. F.I.752. (Л. 92–92 об.). Южнославянские списки содержат мартирий, типологически схожий с его

⁷¹ Чешко Е.В. Второе южнославянское влияние в редакции псалтырного текста на Руси (XIV–XV вв.) // *Palaeobulgarica*. Старобългаристика. 1981. № 4. С. 79.

⁷² Подробнее об истории и текстологии Стишного Пролога см. Турилов А.А. К истории Стишного пролога на Руси // *ДРВМ*. 2006. № 1 (23). С. 70–75; Фет Е.А. Пролог // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. С. 376–381.

вариантом в SynCP⁷³. Памятник отличается от варианта в Простом Прологе, а также в Минологии Василия II по сюжету и композиции. Так, фиксируются вставные элементы, присущие только Стишному Прологу и его греческому варианту: стишное предисловие, отдельное указание на «испытание»/допрос святого Феодора, упоминание языческого культа греков. Меняется география памятника: читаются два новых топонима, не употреблявшиеся ранее в Простом Прологе. В южнославянских версиях мученика добавляются описания пыток святого. В тексте описан инструмент для истязаний святого Феодора — «сковорода огненная» (в греческом оригинале и некоторых славянских рукописях — огненная печь), кратко рассказывается об этапах мученического подвига: повешение, стругание (пытка металлическими зубцами по живому телу) и сожжение. Славянские книжники включают новые элементы в текст памятника, например, оценочную лексику, выражающую неодобрительное отношение переписчиков к грекам-язычникам.

Ввиду отсутствия в филологической науке комплексного исследования, определяющего текстологическую ценность разного типа разночтений по их содержанию, в настоящем исследовании учитывались как незначительные изменения в содержании памятника, так и стилистическая правка. Перевод краткой версии «Мучения св. Феодора Тирона», бытующей в составе славяно-русского Пролога, практически целиком выполнен со строгой ориентацией на греческие образцы. Вместе с тем заметна относительная творческая свобода русских книжников, талант которых проявляется в упоминании оригинальных деталей в мученичии в составе Пространной редакции Пролога, во введении натуралистических подробностей в текст «Мучения...» в Стишном Прологе, в конкретных стилистических приемах, например, в использовании эмоционально насыщенных эпитетов, в

⁷³ Имеется в виду Синаксарь Константинопольской церкви. Изд.: *Delehaye H.* Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxellis: Apud Socios Bollandianos, 1902. 1180 стб.

отступлениях от греческого оригинала в порядке слов и структуре синтаксического целого в рукописях XV–XVI вв.

Несмотря на практически точный перевод оригинала и относительно малые изменения в составе проложной версии мученика о святом Феодоре Тироне, следы переработки текста на русской почве нельзя игнорировать, поскольку переводческая «вольность» является, как кажется, «маркером» адаптации византийских переводных сочинений к русской агиографической традиции.

Глава 3 «История и текстология пространного “Мучения св. Феодора Тирона”» состоит из трех параграфов.

В § 1 «Историческая основа оригинального текста греческого происхождения» представлено развитие сюжета и мотивной структуры пространного мученика о Феодоре Тироне в византийской книжной традиции. Первое упоминание о святом подвижнике находится в Похвальном слове святителя Григория Нисского. Энкомий, изменяясь со временем, стал включать в себя подробности из сочинений других агиографов, которые обнаруживаются в пространном «Мучении...» ВHG, N 1761. Среди этих авторов особо выделяется Хрисипп Иерусалимский, поскольку популярность его сочинений была достаточно большой и введенные им подробности о подвиге святого Феодора Тирона повлияли на текст пространного мученика. ВHG, N 1761 имеет сюжетные параллели с другими агиографическими сочинениями, в частности, с «Мучением св. Поликарпа» и «Страстями святого Феагена». В русскую книжность образ воина-мученика Феодора Тирона пришел «в готовом виде» через переводную религиозно-дидактическую литературу, но тексты, посвященные ему, корректировались на Руси в соответствии с местными условиями.

В § 2 «Текстология первой русской редакции пространного “Мучения св. Феодора Тирона” в списке Торжественника» представлен сравнительный анализ текстов мученика из греческих рукописей Paris gr. 1470. (F. 53 r.), Paris gr. 520 (P. 161) и русского списка РНБ, F.п.1.46 (Л. 93–95 об.).

Высказано предположение, что переводчикам были известны оба источника. Как отмечает в диссертации В.К. Васильев, «не существует единого литературного канона жития, каждая из разновидностей обладает специфическим литературным строением»⁷⁴. Русские переписчики удаляли из текста отдельные фрагменты разного объема, но вводили маленькие детали, отсутствовавшие в греческом тексте. В качестве примера можно привести метафорическое употребление в русской версии «Мучения...» слова «вѣнць», отсутствующее в греческом оригинале. Так, в сценах, где Христос ободряет Феодора Тирона перед предстоящим подвигом, в прениях мученика и судьи-язычника, в предсмертной молитве святого перед сожжением на месте русского «вѣнецъ» читаются греческие «ζωή αθάνατος» (жизнь нетленная), «αγαθόν» (благодать), «βραβεῖον» (награда). Во всех трех случаях греческие слова, переведенные как «вѣнць», употребляются в контексте испытаний веры святого подвижника голодом, спором с язычником-судьей, сожжением. Можно предположить, что в представлении древнерусских переводчиков «венец» есть некий метафорический образ, восходящий к «στέφανος ἐξ ἁκανθῶν» (Терновый венец). В этом смысле подобное употребление во всех трех примерах оправдано. В сознании древнерусского книжника это символ страдания за веру, через который обещано Царствие небесное. Очевидно, книжники ставили перед собой задачу передать суть текста, объяснить догматический смысл христианского вероучения, опозитивизировать биографию мученика, дать наглядный пример подвижничества для подражания.

В русской рукописи пространного «Мучения св. Феодора Тирона» наблюдаются следы редакторских правок, сделанных книжниками. Один из репрезентативных примеров — это замена греческого выражения в сцене явления ангелов святому Феодору в заточении. Так, «πολὺς ἀγγέλων» (множество ангелов) меняется на «мъногъ народъ». В сочетании с

⁷⁴ *Васильев В.К.* Сюжетная типология жанра жития в русской литературе XI–XVI веков: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. С. 20.

контекстным эпитетом «въ бѣлахъ ризахъ» и описанием ужаса стражи, охраняющей мученика Феодора, такой перевод является своего рода художественным приемом. Изображая небесных ангелов как живых людей в белых одеждах, поддерживающих своим пением святого подвижника в темнице, книжники усиливают чувство религиозного благоговения у читателей мартирія.

В § 3 «Разночтения по русским спискам: на материале Торжественника, житийного сборника РГБ и Успенского списка ВМЧ» представлены текстологические изменения в пространном мартиріи на материале рукописей: РНБ, Ф.п.1.46 (Л. 93–95 об.), РГБ, Ф. 113. Собр. рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря. № 516. (Л. 290–296), и ГИМ. Син. 991 (Л. 504–505). Переписчики, несомненно, подвергали памятник редакторской правке. В житийном сборнике РГБ516 наблюдается расширение отдельных фрагментов текста. Например, сцены допроса подвижника представлены более подробно, чем их аналоги в старшей рукописи Торжественника РНБ. Отданный Феодору Тирону приказ препозита Вринки «взять оружие» сопровождается пояснением, из которого становится ясна цель римского военачальника — заставить христианина принять участие в языческом ритуале. Как в древнерусских списках Пролога Пространной редакции, здесь император Максимиан меняется на Диоклетиана. Это обусловлено творческой инициативой переводчиков. Отмечены разночтения на уровне церковной и светской лексики. В Успенском списке ВМЧ в рукописи ГИМ, Син., № 991 текст подвергся большей стилистической редактуре. Удалены некоторые повторяющиеся выражения, отсутствует ряд эпизодов небольшого текстуального объема. Процесс перевода памятников предусматривал тщательную работу с содержанием текстов и систематизацию обширного материала. Славянская версия «Мучения св. Феодора Тирона» в составе рукописных сборников — результат творческой работы книжников над греческим мартиріем. Переводной текст демонстрирует отличия русского агиографического стиля от византийского.

Глава 4 «Поэтика переводного “Мучения св. Феодора Тирона”».

состоит из трех параграфов.

В § 1 «Проблема жанровой разновидности переводного памятника» рассматривается сочетание двух типов агиографических текстов: «*acta martyrum*» и «*passions*» в пространном «Мучении св. Феодора Тирона». Это в целом характерно для житийной литературы периода V–VII вв. Специфика сюжета и стилистика текста свидетельствуют о том, что он относится к литературным памятникам по классификации И. Делеэ, где историческая достоверность уступает место художественной обработке. Агиограф в целом находится в рамках традиции агиографического повествования, но памятник в то же время содержит идейные и сюжетные параллели с более древними произведениями других жанров. Так, в пространном «Мучении св. Феодора Тирона» есть следы особой ветви литературного творчества — так называемого эпидейктического красноречия, которое было воплощено в жанре энкомий. В этом плане автор ориентировался на Похвальное слово Григория Нисского (BHG 1760)⁷⁵: история о мученической смерти святого, изложенная в проповеди богослова, повторяется в анонимном агиографическом сочинении. В обоих текстах одинаковая тема повествования — суд и мученичество Феодора Тирона. Наблюдается идейное сходство: в двух сочинениях подчеркивается превосходство учения Христа над языческими культами безбожников и читается призыв к благочестию, к почитанию святых мучеников, к укреплению веры христианской. Хронологический диапазон сочинения текста — время поэтапного формирования агиографического канона, следовательно, текст «Мучения...» сложен в переходный период. Жанр его имеет неустойчивые границы, что в целом характерно для средневековой литературы начиная с VI в.

⁷⁵ Причастность святителя к этому энкомию оспаривается, поскольку специалисты не могут прийти к единому мнению по вопросам его происхождения. Текст описывается ими как «*spuria*» (произведения, никогда не принадлежавшие, но приписывавшиеся тому или иному автору). Подробнее см.: *Delehaye H. Les passions des martyrs...* P. 17.

В § 2 «Сюжетная топика “Мучения...”. Традиция и новаторство» рассматривается сюжетная топика «Мучения...», выявляются традиционные и новаторские ее элементы. Агиограф вводит сюжетные мотивы, выбивающиеся из повествовательной модели. В тексте читаются вставные фрагменты, основанные на предшествующей литературной традиции, не вписывающиеся в канон. Композицию мартирия можно представить в последовательности 20 сцен, которые условно были разделены на три группы: историческая основа мартириев с элементами поджанра «Акта», основа поджанра «Passions» и нетрадиционные внежанровые элементы.

Сцены из первой группы — отголосок переработки средневековыми книжниками древнейших протоколов допросов христиан, с которых «можно было снимать копии»⁷⁶. Сочинители памятников, перерабатывая документы, добавляли от себя краткое введение с информацией об именах христианина и проконсула, обстоятельствах ареста, времени действия и прочие подробности.

Основа мартирия — сцены, характерные для поджанра «Passions». В тексте их большая часть. Условно их можно разделить на три типа: фрагменты, восходящие к Библии, заимствованные эпизоды из «Мученичества святого Поликарпа Смирнского», сцены, традиционные для агиографических памятников: художественно-поэтические молитвы, сцены явления Христа святому мученику, послесловие, завершающее мартирий.

Сцены из третьей группы инкорпорированы в памятник. Например, история с победой святого Феодора над драконом является риторическим украшением. Этот фрагмент «подвижный»: в русских версиях пространного «Мучения...» он отсутствует, в то же время он читается в переводных апокрифах о святом Феодоре, сочинениях Симеона Метафраста, некоторых греческих рукописях (Paris gr. 1470). Сцена погребения святого Феодора благочестивой женщиной Евсевией — часть традиции, уходящей корнями в

⁷⁶ *Пантелеев А.Д.* Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2017. С. 24.

IV в., когда «люди соревновались за честь поселить у себя в доме или каким-либо другим образом разместить у себя в собственности либо живого святого, либо мощи святого или мученика»⁷⁷. Так, в похвальном слове Хрисиппа Иерусалимского (BHG 1765c) присутствует безымянный образ женщины, соотносимый с именем Евсевии. В дальнейшей истории бытования текстов о Феодоре Тироне образ Евсевии эволюционировал: от благочестивой безымянной женщины, впервые появившейся в Энкомии Хрисиппа, пресв. Иерусалимского, до женщины из числа знатных людей региона.

В § 3 «“Imitatio Christi”: библейские топосы и библейские реминисценции в пространном мартирии» анализируются ссылки в тексте мартирия на Священное Писание и рассматриваются сцены уподобления мученика Иисусу Христу — как жанрообразующие и сюжетообразующие основы памятника. Топика «Imitatio Christi» восходит к евангельским текстам, где Христос представлен как совершенный идеал для подражания. Мученик Феодор, следуя Спасителю, повторяет Его путь: проповедует вероучение, претерпевает страдания, принимает смерть и удостоивается посмертного чуда. Библейские образы встречаются повсеместно в текстах о святых, так как ветхо- и новозаветные писания были источником вдохновения христианских авторов. Феодор представлен как «дерзновенный» подвижник, сочетающий смелость в полемике с язычниками и смирение перед Богом.

«Прямое цитирование персонажами библейских фраз также повышало авторитет произведений и значимость описываемых событий»⁷⁸. Пространный мартирий о Феодоре Тироне не является исключением и, как агиографический памятник, изобилует библейскими топосами. Библейские

⁷⁷ Haldon J. A Tale of Two Saints. P. 27.

⁷⁸ Франгулян Л.Р. Истоки и историческая трансформация основных жанров коптской агиографии (на примере текстов о мучениках): дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. С. 114.

реминисценции, например отсылки к Евангелию от Иоанна, усиливают сакральный смысл текста.

Система образов памятника важна для понимания истории текста. Образ Евсевии был введен Хрисиппом Иерусалимским в текст «Мучения...» и сохранен в последующих редакциях мартирия, вероятно, намеренно, с целью обращения к внучке Феодосия II, покровительствующей культу святого Феодора Тирона, для того чтобы заручиться поддержкой в строительстве храма, посвященного мученику. Образ Клеоника — товарища святого Феодора — является своеобразным связующим звеном с мартирием, посвященным мученикам Амасийским. Мартирий не только описывает подвиг святого, но и служит дидактическим инструментом, укрепляющим веру читателей. Текст демонстрирует конфликт христианства и язычества, акцентируя моральное превосходство мученика.

В заключении представлены выводы и подводятся итоги исследования.

Список использованной литературы, в том числе работы автора, насчитывает 213 наименований, из которых 46 — источники, 167 — исследования.

В приложении представлен текст русского варианта пространного памятника из Торжественника ОР РНБ, Ф. 550. Ф.п.1.46. (Л. 93 – 95 об.).

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных журналах, рекомендованных

ВАК при Минобрнауки РФ

1. «Мучение Феодора Тирона» в списках прологов XV–XVI века: анализ разночтений // Вестник славянских культур. 2025. № 75. С. 193–203. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-193-203>

2. К вопросу о происхождении первоначальной русской редакции памятника «Мучение Феодора Тирона» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 48–54. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-48-54>

3. Особенности бытования мартирия «Мучение Фёдора Тирона» в Простом и Стишном Прологе // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 69–74. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-69-74>

Публикации в других научных изданиях

4. Церковно-книжное и устно-литературное изображение Федора Тирона в русской агиографической традиции // Слово. Словесность. Словесник: материалы международной научно-практической конференции / Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. Рязань: ИП Коняхин А.В., 2023. С. 14–18.